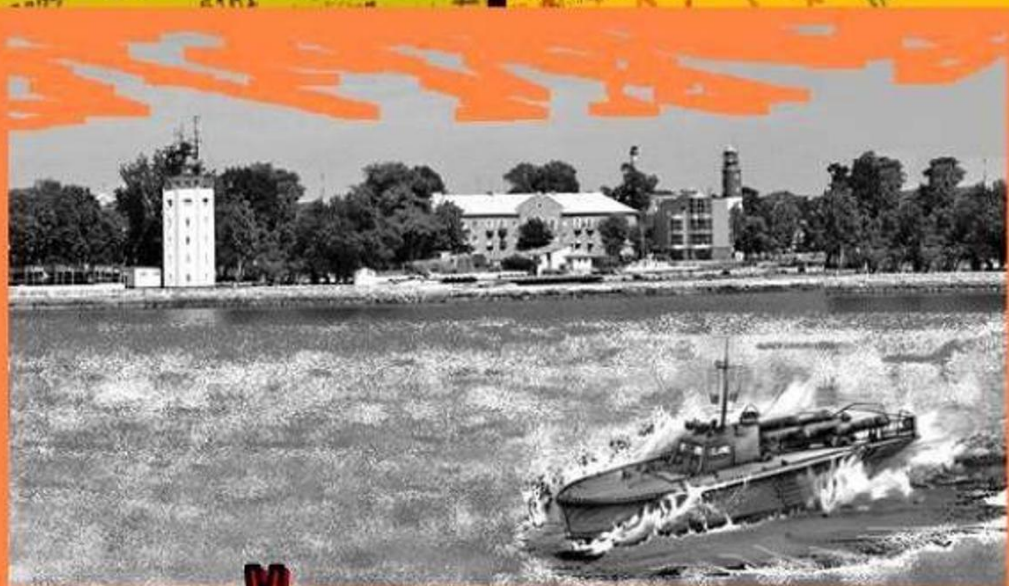

WESTERN
GRAM
ШИФРОВКА

Валентин Олейников

АТАКА НА КРЕЙСЕР "КИРОВ"

ЗАБЫТЫЙ МЯТЕЖ

18+

Валентин Олейников

**Атака на крейсер
"Киров"-забытый мятеж**

«Автор»

2026

Олейников В.

Атака на крейсер "Киров"-забытый мятеж / В. Олейников —
«Автор», 2026

В основу этой повести Олейникова В. В. «Атака на крейсер Киров — забытый мятеж» легли воспоминания, рассказанные автору бывшим командиром звена, затем отряда торпедных катеров Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны капитаном 1-го ранга в отставке Богдановым А. Н. События развиваются в послевоенном городе Пиллау (ныне Балтийске), где на вновь созданной военно-морской базе комендантом города становится бывший полицейский каратель.

© Олейников В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава первая.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валентин Олейников

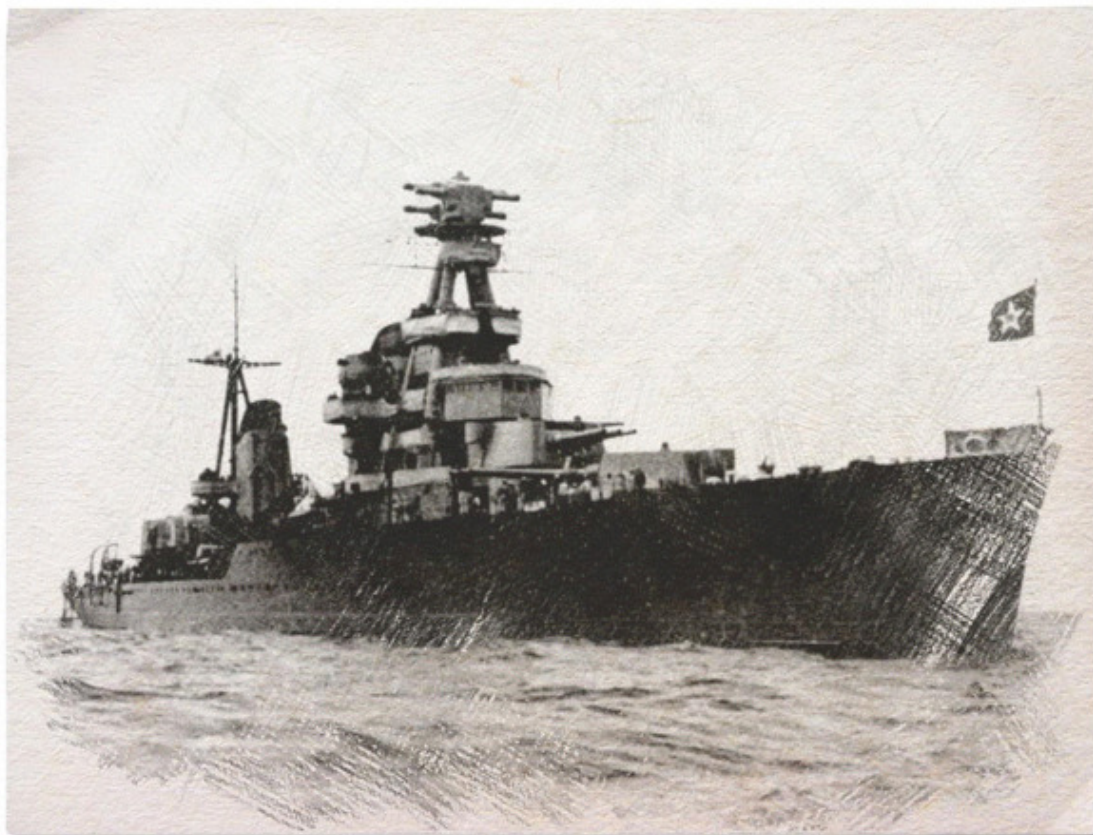
Атака на крейсер "Киров"-забытый мятеж

Корректор Полина Бондарева

© Валентин Олейников, 2026

ISBN 978-5-0070-6400-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В основу этой повести **Олейникова В. В. «Атака на крейсер Киров — забытый мятеж»** легли воспоминания, рассказанные автору бывшим командиром звена, затем отряда катеров Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны капитаном 1-го ранга в отставке Богдановым А. Н.

События развиваются в послевоенном городе Пиллау (ныне Балтийске), где на вновь созданной военно-морской базе комендантом города становится бывший полицей-каратель. Под прикрытием службы он готовит диверсию против Балтийского флота, его цель — уничтожение артиллерийских складов и крейсера «Киров».

По-разному складываются судьбы моряков-балтийцев, прошедших через горнило войны. Одни становятся героями, а другие предателями, маскируясь чужими заслугами.

Благодаря этой книге мы теперь узнаем, что «легендарный комендант» и «герой-катерник» — это персонажи теневой истории Балтийска, чьи преступления были скрыты цензурой и мемуарной мифологией, легендированием прошлого новоявленными героями.

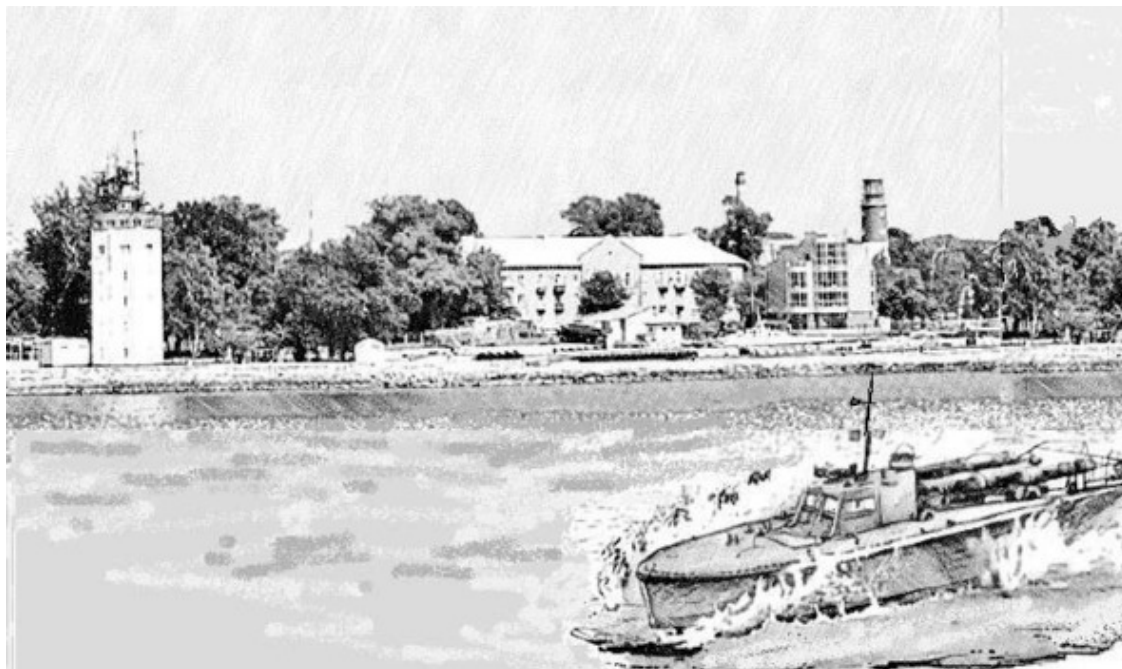
Не все участники этих событий будут привлечены к ответственности в силу сложившихся обстоятельств и потери бдительности на местах.

Спустя годы один из участников заговора пытается добиться звания Героя Советского Союза, используя чужие заслуги.

Эта книга — не суд над прошлым. Это попытка понять: как в одном человеке уживаются герой и предатель и почему правда часто прячется за семью печатями.

История, основанная на малоизвестных фактах и городских легендах Балтики, поднимает вопросы исторической справедливости и цены молчания.

Предисловие

Эта книга родилась из истории, которую мне рассказал ветеран Александр Николаевич Богданов. Он поведал о попытке предателей атаковать крейсер «Киров» на торпедном катере «Д-3» и бежать в Швецию.

Я помню тот вечер, когда Богданов впервые заговорил о «Кирове». Мы сидели у него дома, на стене висела карта Балтийского моря. Он долго молчал, постукивая пальцами по столу, а потом тихо сказал: «Ты думаешь, это просто легенда?» Рассказ действительно звучал как легенда — и, признаться, я не сразу ему поверил.

Бывший сослуживец, писатель-маринист Владимир Шигин, с моей подачи заинтересовался историей, которую рассказал ветеран Богданов А. Н. Запрос в КГБ подтвердил: официально такого случая не зафиксировано. Историю считали городской легендой, в том числе по коменданту г. Балтийска Бороде, которые десятилетиями передаются из уст в уста.

Почему я ему поверил? Потому что такие подробности не выдумашь, которые озвучил Богданов.

Александр Николаевич был человеком прямым и честным, он знал детали, доступные лишь тому, кто участвовал в раскрытии преступления. Боевой офицер, награждённый четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Ленина и Красной Звезды, не считая медалей.

Я знал по личному опыту, как работают спецслужбы, служил тогда в Политуправлении Балтийского флота. В интересах государственной безопасности они могли создавать дезинформацию для западных разведок — чтобы в случае утечки реальной информации о ЧП на флоте картина событий выглядела иначе.

Позже я стал свидетелем, когда в 1975 году, в год 30-летия Великой Победы, произошёл другой мятеж — на большом противолодочном корабле «Сторожевой». Об этом написал Владимир Шигин в книге «Мятеж „Сторожевого“. Последний парад капитана 3-го ранга Саблина». История Шигина, в отличие от рассказа Богданова, получила документальное подтверждение. Она стала грозным предзнаменованием будущего идеологического краха — и заставила меня задуматься: сколько ещё подобных событий скрыто от нас завесой секретности?

Когда я узнал о мятеже на «Сторожевом». Два события, разделённые годами, вдруг сложились в тревожную картину: флот, как зеркало страны, уже тогда дал трещину.

После распада СССР многие архивы открылись, но материалы по атаке на «Киров», если они существовали, остались засекреченными. Документы по событиям 1953—1954 годов могли быть уничтожены за ненадобностью или по-прежнему храниться под грифом «Совершенно секретно».

Многие свидетели ушли из жизни, другие давали подписку о неразглашении.

Вспоминаются слова начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерала армии Алексея Епишева, сказанные в 1967 году: «Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить». Тогда эта фраза казалась циничной, но позже я понял её смысл. Устоявшиеся взгляды граждан, воспитанных в духе марксизма-ленинизма, рухнули, когда стало ясно: многое из обещанного десятилетиями не выполнялось. Люди столкнулись с вопросом: как дальше жить?

Я тоже попал под жернова системы: после участия в ГКЧП меня уволили из Вооружённых сил. Этот опыт научил меня ценить правду — даже если она неудобна. И заставил вернуться к истории Богданова.

Почему он рассказал её только через много лет? Вероятно, из-за подписки о неразглашении. Возможно, он считал, что некоторые враги так и не понесли наказания, а их покровители всё ещё влиятельны. Для Богданова, катерника по профессии, эта история была личной трагедией флота — пятном на репутации тех, кто служил честно. Он хотел снять подозрения с невиновных, и правда для него была важнее молчания.

В 1994 году Александра Николаевича не стало. Эта повесть — мой долг перед ним. Через вымысел я пытаюсь восстановить правду, которой нет в документах, — как акт исторической справедливости.

Глава первая.

Вовка Ковтун — детство, юность и отрочество

Пятилетний Вовка в одних трусах сидел на бетонном крыльце бабушкиного дома, греясь на утреннем солнце. В руках он вертел ржавый взрыватель от снаряда — нашёл его вчера у забора — и деловито стучал молотком, пытаясь сбить комья засохшей глины.

Утро было на удивление безветренное. Слышно было щебетание ласточек, которые кружили, как в вальсе, над головой сидящего малыша. Солнце величаво поднималось вверх, обнажая лучами худенькое тельце ребёнка, лаская его кожу теплом.

У Вовки была своя тайна от родителей, и о ней знала только бабушка. Он собирал всё военное, что было брошено гайдамаками Петлюры в Гражданскую войну, а потом бандой Зелёного, которые промышляли от Елизаветграда до Ольгополя. Их обозы часто стояли во дворе у дома на краю села. Когда бандиты напивались вусмерть, они дебоширили и теряли свои трофеи. Так в коллекции бабушкиного внука появился широкий немецкий штык-тесак от винтовки «Маузер» и кожаный патронташ на поясной ремень с двумя секциями для обойм с патронами. Видимо, и взрыватель был из той же обозной кучи, брошенной бандитами.

Родители Вовки уехали на подводе в соседнюю деревню на рынок. Бабушка не обращала внимания на внука, так как была занята хозяйством: кормила корову и поросёнка.

Вдруг она заволновалась, вспомнив о внуке. Бросилась к Вовке и от испуга неожиданно закричала:

— Ты что делаешь? Выбрось молоток!

Вместо молотка Вовка выбросил взрыватель, который покатился по земле и, ударившись о кирпич, валявшийся во дворе, — взорвался. Запахло серой от взрыва. С перепугу от взрыва и боли он сильно закричал и стал неистово рыдать, размазывая ручками кровь по лицу. В подбородок впился острый осколок, небольшой по размеру. Баба Варя от увиденного упала ничком без чувств.

Вовка тоже притих. От страха и боли он потерял сознание. На звук взрыва прибежал пятидесятилетний сосед Яков, который воевал в Первую мировую.

Он аккуратно вынул из подбородка Вовки осколок, промыв поражённое место чистой питьевой водой, и, разжевав тысячелистник, залепил этой массой ранку, чтобы остановить кровь. Потом привёл в чувство бабу Варю, побрызгав ей в лицо холодной водой из колодца.

Якова все боялись. Он был какой-то чокнутый, его так и называли «Яков чок-чок». Длинная седая борода чуть ли не по пояс, непричёсанные длинные волосы на голове, как разворошённая копна сена. Практически ни с кем не общался. Говорили, что он был контужен взрывом немецкого тяжёлого 210-мм снаряда. Его вытащили из окопа, засыпанного землёй. Левая рука болталась, как плеть, после перелома. Всё потихоньку менялось в его жизни. Бог его «отблагодарил» такой же, как он сам, женой Маруськой. Как говорили в селе: «Якэ йшло, такэ и здыбало». Злая и жадная была, и завистливая. Не пропускала ни одной свадьбы или похорон. Так как в деревне не было священника, она взяла эту миссию на себя: читала Псалтырь по благословению и за упокой. За что местные крестьяне благодарили её продуктами или остатками еды, оставшейся после свадьбы или поминок.

Яков почти ничего не делал. Целое лето ходил по деревне в нижнем белье — кальсонах, белых солдатских, и такой же рубашке, что придавало ему вид лешего из преисподней. На замечания стариков ворчал:

— Что вы меня строите за одёжку? Посмотрите, в чём ходит председатель сельсовета. У него такие же белые штаны и рубашка, а на голове ещё и белый картуз.

После сказанного хохотала вся деревня гомерическим смехом.

После всех спасательных работ Яков промычал:

— Вовка, ты как бомба немецкая — положил бабку рядом одним взрывом... даже без осколков!

Так и закрепилась за Вовкой кличка «Бомба немецкая».

После возвращения с рынка Вовкиных родителей криков и скандала не было — происшедшее как-то само по себе успокоило всех. Главное — ребёнок живой, а рана затянется. А будущего мужчину шрам украсит мужественностью...

Если бы они знали, что этот шрам определит судьбу их ребёнка! Придётся ему скрывать эту отметину широкой окладистой бородой, скрывая не только шрам, но и изменяя своё лицо, чтобы быть неопознанным за свои «прошлые грехи»...

Вовчик обрадовался. Баба Варя молчала. Ни слова не проронила против внука, будто всё произошло случайно, а не как показатель черты его характера. Главное: Вовкина тайна не была раскрыта, так как это тоже был результат его тяги к опасным предметам, которые со временем приведут к опасным «играм» или делам.

Вовчик сразу смекнул, что не всё в жизни наказуемо, если схитрить или обмануть, а может, «правильно рассказать». Это был поучительный день для всех.

Якова не оставляли мысли, роившиеся в его косматой голове: «У меня своих детей нет и уже точно не будет. Надо Вовчика сделать своим помощником».

Маруська всю жизнь была легкомысленной и не хотела даже говорить на эту тему. Не любила детей. Выросла в семье, где было ещё двенадцать братьев и сестёр. Делили каждую краюху хлеба.

Вовка понравился своей мальчишечьей покорностью и терпеливостью, а главное — смышлённый. Лишнего не болтает.

Так зародилась дружба между ними. Яков всегда находил повод, чтобы встретиться с соседским мальчиком. То придёт бабе Варе что-то по мелочам помочь, то Вовке сделает лук со стрелами или деревянное ружьё. Как-то утром он принёс маленького щенка — оказалось, это была сучка. Вовчик заплясал от радости, а баба Варя махнула рукой:

— Да уж бери!

Собачку называли Булькой из-за огромных выпученных глаз.

Жена Якова не перечила их дружбе — только бы Яков не ворчал.

Когда делать было нечего, Яков начал рассказывать Вовке, как он воевал в Первую мировую. Вовчик слушал раскрыв рот. Он уже был очарован соседом и неотступно следовал за ним.

Особенно Вовке нравились истории о войне, когда русские солдаты братались с немцами. Яков с восхищением рассказывал, какие они хозяйственные, умные, весёлые и могут быть настоящими друзьями.

Родители не мешали их дружбе. Вовка стал послушней и своей бабушке помогал по хозяйству: то травы нарвёт для поросёнка, то корову пригонит домой после выпаса деревенского стада или нальёт воды в жёлоб для питья коровы. Такие нехитрые поручения он выполнял с удовольствием, после которых баба Варя называла его молодцом-удальцом.

В свободное время Яков стал обучать Вовку грамоте. Рисовал на песке буквы, заставлял их запоминать, а потом читать, складывая в слова. У Якова образования никакого, кроме двух классов церковно-приходской школы в соседнем селе за полтора километра от дома. Ему самому нравилось, что его понимают: теперь он мог общаться с другими людьми, узнавать новости и обсуждать их со своей женой и Вовкой.

Вскоре Яков решил разнообразить свою еду. Попросил Вовчика залезть в виноградник в огороде соседского дома, нарвать ягод.

— Не бойся, там никого сейчас нет. Все на работе, — хитро прищурил глаза.

— Я и не боюсь! — ответил Вовка.

— Ты всё равно смотри по сторонам, чтобы никто не видел! Делать это надо по-пластунски, как на войне, оглядываясь вокруг, — наставлял он мальчишку.

После этого «ползания за виноградом» все остались довольны. Особенно Вовка. Впервые наелся от пуза. Дома такой роскоши, кроме вишен и грецких орехов, не было.

Вовка ещё несколько раз пробирался в соседский виноградник — каждый раз по наущению Якова. Тот всё так же хитро прищуривался и напоминал про «военную тактику»: ползти низко, оглядываться, прятаться за кустами. Мальчишка выполнял указания с рвением новобранца, а потом с восторгом делился добычей с Яковым и Булькой — та радостно виляла хвостом, получая сладкие ягодные хвостики.

Однажды, когда Вовка, притаившись за большим бочонком, обрывал сочные грозди, он услышал шаги. Сердце замерло, потом застучало как бешеное. Он замер, вжавшись в землю, и сквозь листву увидел соседку — тётку Марфу. Она медленно обошла огород, подозрительно оглядываясь, что-то бормоча себе под нос. Вовка не дышал, пока она не ушла.

Вернувшись домой, он дрожащими руками протянул Якову горсть винограда.

— Что, струхнул? — усмехнулся тот. — Это хорошо. Страх — он учит осторожности. А осторожность — первое дело в любом серьёзном деле.

Вовка кивнул, но в груди поселилось странное чувство. Раньше всё казалось игрой: ползание по-пластунски, тайные походы, заговорщицкие улыбки Якова. Теперь же он впервые отчётливо понял: это воровство. И если его поймут, будет скандал, позор, наказание...

В следующий раз, когда Яков снова предложил «сходить за виноградом», Вовка замаялся.

— Да не дрейфь! — похлопал его по плечу сосед. — Мы же аккуратно. Никто и не заметит.

— А если заметят? — тихо спросил мальчик. — Тётка Марфа вчера почти поймала меня...

Яков нахмурился, помолчал, потом вдруг улыбнулся:

— А знаешь что? Ты прав. Пора переходить к чему-то более... солидному. Есть у меня план. В лесу, за старой мельницей, растёт малина — дикая, сладкая, её там на всех хватит. И никто не хватится. Пойдём завтра?

Вовке стало легче. Малина в лесу — это же не чужой огород. Это природа, общее. И всё же где-то внутри остался неприятный осадок.

Тем вечером, помогая бабе Варе поливать грядки, он нерешительно спросил:

— Баба Варя, а если кто-то берёт чужое, но ему очень надо... это всё равно плохо?

Старуха выпрямилась, оперлась на лейку, внимательно посмотрела на внука.

— Вовчик, — медленно сказала она, — нужда — она душу проверяет. Кому-то она злобу да жадность открывает, а кому-то — смекалку да доброту. Если тебе чего не хватает, иди и попроси. Или заработай. А чужое брать — оно душу чернит. Потом от этой черноты не отмоешься.

Слова бабы Вари долго крутились в голове Вовки. На следующее утро, когда Яков уже стоял у калитки, помахивая самодельным посохом для «похода за малиной», мальчик вышел к нему и твёрдо сказал:

— Я не пойду. Баба Варя говорит, чужое брать нельзя.

Яков помрачнел. Лицо его на мгновение исказилось, в глазах мелькнуло что-то жёсткое, незнакомое. Но тут же он рассмеялся, хлопнул Вовку по плечу:

— Ну и ладно! Значит, вдвоём с Булькой пойдём. А ты тут оставайся, помогай бабушке. Молодец, что честный.

Он развернулся и зашагал прочь. Вовка смотрел ему вслед и чувствовал одновременно облегчение и какую-то тоску. Будто оборвалась ниточка, которая связывала его с чем-то заманчивым и опасным.

Булька, словно почувствовав настроение хозяина, ткнулась носом ему в ладонь. Вовка погладил её лобастую голову и улыбнулся. Впервые за долгое время он точно знал, что поступил правильно.

Вовка и не подозревал, что Яков лепит из него удобного «братана» на все случаи жизни — послушного, готового служить и выслуживаться, — и одновременно возвращает в нём самолюбие, ставит личное эго превыше всего. Зная тягу Вовки к военному образу жизни, он целенаправленно воспитывал в мальчике бойцовские качества.

Яков научил его стрелять из лука, помог изготовить самопал — или, как называли его подростки, «поджигу». Устройство было незамысловатым: медная трубка, одна сторона которой расклёпывалась, чтобы не выпускать газы, а с другой засыпался порох или сера от спичек. Затем набивали дробь, мелкие кусочки гвоздей или проволоки и забивали сверху бумажный пыж. Сбоку, ближе к расклёпанной части, делалось отверстие, а напильником пропиливалась бороздка для укладки головки спички. Всё это крепилось на деревянную основу в виде пистолетной рукоятки.

Так Яков приучал Вовку к безжалостным поступкам — ради удовольствия и унижения других, чтобы тот доказывал своё превосходство.

Через несколько часов Яков вернулся с ведёрком, полным малины.

— Что, братан, соскучился без меня? Отнеси-ка бабе Варе малинку на варенье — зимой от хвори разной очень полезная штука! — потрепал он Вовку по холке.

Вовка виновато опустил голову.

Яков нарочито шутливо продолжил:

— Ничего, завтра пойдём вместе в лес — испытаем наш самодельный пистолет да ягод нарвём для твоей бабульки.

Новоиспечённый «братан» радостно кивнул. Так его ещё никто не называл — и никто не относился к нему как к равному, да ещё и братом обозвал. Да и малины Яков отсыпал — целую литровую банку.

— Возьми, покушай! Можно и сахарком посыпать, и молочком запить, — снова хитро улыбнулся он.

Яков знал: в доме бабы Вари испокон веков сахара не водилось — разве что молочко от коровы.

— А что такое сахарок? — удивлённо спросил Вовка, разглядывая белую крупинку на ладони Якова.

Вовка осторожно потрогал кристаллик пальцем — тот оказался твёрдым и холодным. На языке сразу возникло воспоминание о чём-то сладком, хотя он и не мог вспомнить вкуса.

— Это когда из сахарной свёклы выпаривают сладкий сок, потом, после кристаллизации и очистки, делают его в виде песка или формируют кусковой, который потом дробят специальными кусачками, — уверенно объяснил Яков. Он знал, о чём говорил: во время войны, когда немцы устроили чаепитие, он стащил кусачки и кусок сахара.

Яков взял крупинку и положил себе на язык.

— Вот так. Попробуй.

Вовка нерешительно протянул руку. Когда кристаллик растаял на кончике языка, по всему телу разливалась тёплая волна удовольствия. Он никогда не испытывал ничего подобного.

— Приходи, я тебе покажу! — снова таинственно улыбнулся Яков.

Этим он вызывал у Вовки желание попробовать недоступное и зависть: у них дома сахара нет, а вот у неработающего Якова — всё есть.

На следующий день Яков, как и договаривались, зашёл за Вовкой, и они отправились в лес. Перед уходом он напомнил:

— Обойму с пятнадцатью патронами, которую мне показывал, не забудь прихватить с собой!

До леса дошли быстро. По дороге Яков внушал Вовке, для чего нужно оружие:

— Оно нужно, чтобы защищаться от врагов и мстить тем, кто тебе обиду нанёс! — голос Якова звучал весомо, почти торжественно. — Видишь ли, Вовка, настоящий мужчина должен уметь постоять за себя. Иначе все будут тебя обижать, топтать, как сорную траву.

Солнце пробивалось сквозь ветви, бросая пятнистые тени на тропинку. Вовка шёл следом за Яковым, чувствуя, как в груди нарастает странное волнение — смесь страха и восторга.

Он достал уже заряженный самопал. Закрепил с помощью скобочки, вбитой на пистолетной рукоятке, спичку — так, чтобы она плотно прилегала к боковому отверстию.

— Держи, — Яков протянул оружие Вовке. — Чувствуешь, какой он тяжёлый? В этом самопале — сила. Настоящая мужская сила.

Вовка неуверенно взял самопал. Пальцы слегка дрожали.

— Наведи на голубей, — командовал Яков. — Вот так. Теперь чиркни коробочкой по спичке. Не бойся, я рядом.

Вовка чиркнул по спичке. Вспышка, оглушительный грохот — и два голубя, только что мирно ворковавшие на кусте, рухнули в траву. — Теперь на ужин мне будет знатная жарёха, — сказал Яков.

На мгновение всё вокруг замерло. Воздух наполнился едким запахом пороха. У Вовки заложило уши, руки дрожали так сильно, что самопал чуть не выпал. В груди бушевала странная буря: с одной стороны — ужас оттого, что он только что сделал, с другой — пьянящее ощущение власти.

Он только что изменил мир. Навсегда.

— Молодец! — похвалил Яков и деловито добавил: — Теперь мы всех бродячих котов и собак в деревне истребим.

— Бульку тоже? — заикаясь, спросил Вовка. Он вспомнил, как Булька, лохматая дворняга с добрыми глазами, согревала его зимними ночами, укладываясь у ног.

— Нет, Бульку трогать не будем — она наша! Своих не трогаем.

Вовка посмотрел на Бульку, которая бежала впереди, весело помахивая хвостом, и почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Где проходит эта граница — «свои» и «чужие»? Почему голуби — не «свои»?

Они шли обратно, и Вовка всё время смотрел на Бульку. Собака весело бежала впереди, то и дело оборачиваясь, будто проверяя, идут ли они следом.

В кармане лежал самопал — холодный ствол, тяжёлая рукоять из дубовой доски и не по размеру кармана. Вовка то и дело ощупывал его через ткань штанов, словно проверяя, не исчез ли.

— Ну что, братан, понравилось? — подмигнул Яков. — Завтра ещё пойдём?

Вовка кивнул, но в голове крутилась мысль: «А что, если в следующий раз это будет не голубь?»

Дома баба Варя встретила их у калитки.

— Ох, Вовка, где ж ты был? Я уж волноваться начала! — она обняла его, и от её старческого платья пахло травами и хлебом.

Вовка прижался к ней, вдыхая знакомый запах. И вдруг остро почувствовал, как ему хочется остаться здесь, в этом тёплом мире, где нет выстрелов и смерти. Но в кармане всё равно лежал самопал.

Когда баба Варя ушла кормить поросёнка, Вовка достал самопал и засунул его в соломенную крышу курятника — туда точно никто не полезет. Там гнездились воробьи со своими птенцами.

На следующее утро Яков снова зашёл и попросил бабу Варю отпустить с ним Вовку на прогулку. У неё было какое-то внутреннее напряжение. Она строила догадки: куда и зачем зачастили в лес. Соседка Марфа сказала, что люди слышали выстрелы за селом. Может, местные мужики охотятся на куропаток и фазанов. Погода была ясная, только ветер шумел в листве вековых дубов. Баба Варя про себя прошептала: «Не сделал бы Яков из Вовки бандита! Одно время хвастал, как после Первой мировой с „Маузером“ потрошил в поездах переселенцев. Может, и врал. Похоже на правду».

Они шли по лесу уже около часа, под ногами хрустели сучья. Кругом чувствовалась влага и запах хвои. Когда Яков вдруг остановился у старого дуба с дуплом почти у самой земли. Ветви дерева, покрытые мхом, нависали над тропой, создавая сумрачный полумрак. Дупло было похоже на тайник с опасными секретами.

— А вот и сюрприз, — подмигнул он Вовке. — То, что по-настоящему делает мужчину мужчиной.

Яков ловко залез рукой в дупло и достал завёрнутый в промасленную тряпку «Маузер». Винтовка блеснула воронёной сталью в лучах солнца.

— Немецкая штучка. Ещё с войны. Смотри, какая красота! — он любовно провёл ладонью по прикладу. — И главное — в полном порядке. От немца досталась, который в меня целился.

У Вовки поползли мурашки по спине — стало страшно. Значит, Яков может и человека убить... Вовка зачарованно смотрел на оружие. Оно выглядело совсем не так, как самопал: солидное, настоящее, внушающее уважение и страх.

— Давай, бери, — Яков протянул винтовку. — Чувствуешь, какой баланс? Вот так держи, приклад к плечу. Теперь смотри в прицел. Видишь вон ту поляну?

Он повёл Вовку за собой. На краю поляны, прислонённая к стволу сосны, стояла мишень: силуэт человека, вырезанный из фанеры и одетый в старую шинель, брошенную кем-то в лесу. Ветер слегка покачивал эту жутковатую фигуру, создавая иллюзию движения.

— Это наш враг, — тихо произнёс Яков, становясь позади Вовки и помогая ему правильно взять винтовку. — Тот, кто хочет отнять у нас всё: дом, семью, свободу. Прицеливайся.

Вовка посмотрел в прицел. Силуэт покачивался на ветру, то появляясь, то исчезая между ветвями. В горле пересохло.

— Я... я не могу, — прошептал он.

— Можешь, — твёрдо сказал Яков. — Представь, что это тот, кто обидел твою бабу Варю. Или тот, кто хотел забрать твой дом. Сосредоточься на мушке, выровняй дыхание... Теперь плавно жми на спуск. Не дёргай!

Вовка глубоко вдохнул, задержал дыхание и нажал на спуск. Выстрел грохнул, эхом разлетевшись по лесу. Сидящие на деревьях птицы шумно взлетели, создав иллюзию ветра от их взмахов крыльями. Пуля пробила шинель рядом с «головой» мишени.

На мгновение всё замерло. Вовка опустил винтовку, чувствуя, как дрожат руки. В груди бушевали противоречивые чувства: гордость оттого, что попал, и ужас от осознания, что он только что стрелял по фигуре, напоминающей человека.

— Неплохо для начала, — одобрительно кивнул Яков. — Но нужно лучше. Ещё раз. На этот раз целься точнее. Представь, что это действительно враг.

Вовка снова поднял винтовку. Он посмотрел на мишень, потом обернулся и увидел вдалеке Бульку — собака мирно обнюхивала кусты, не подозревая о происходящем.

«Своих не трогаем», — всплыли в памяти слова Якова. Но кто тогда этот силуэт? Почему он должен в него стрелять?

— Яков, а если... если это не враг? — неуверенно спросил Вовка.

— В жизни, братан, нужно научиться отличать врагов от друзей, — серьёзно ответил Яков. — И уметь стрелять первым. Давай ещё раз. Целься в голову.

Вовка сглотнул. Он снова посмотрел в прицел. На этот раз он старался не замечать покачивания мишени, не думать о том, что она похожа на человека. Он сосредоточился на мушке, на дыхании, на ощущении холодного металла под пальцами.

Ещё один выстрел. На этот раз пуля попала точно в центр силуэта.

— Вот это другое дело! — хлопнул его по плечу Яков. — Видишь, когда перестаёшь сомневаться, всё получается. Ты уже почти настоящий боец.

Но Вовка не чувствовал радости. Вместо этого внутри разрасталась пустота. Он опустил винтовку и посмотрел на свои руки — они больше не дрожали, но и не было того восторга, который он испытал после выстрела из самопала.

— Пойдём, — сказал Яков, забирая «Маузер». — Завтра принесём больше патронов. Научим тебя стрелять на дальность.

Вовка молча кивнул. Он обернулся на мишень: силуэт всё так же покачивался на ветру, словно укорял его. В какой-то момент Булька зарычала на мишень, схватила зубами за обшлаг шинели и попыталась её погрызть — это вызвало улыбку Якова.

— Что, решила сама расправиться с нашим врагом? — произнёс он, как бы показывая абсурдность стрельбы по этой мишени.

Булька подбежала, ткнулась мокрым носом в ладонь, и Вовка машинально погладил её за ушами с благодарностью за содеянное.

В голове крутилась одна мысль: «А что, если в следующий раз это будет не мишень?»

В мальчишечьей голове эти несколько дней, насыщенные «боевыми эпизодами», оставили серьёзную отметину. С одной стороны, стрельба из самодельного самопала казалась весёлой игрой, теперь кажущейся невинной игрушкой, а с другой — появление винтовки звучало эхом войны. Больше всего его впечатлила надпись на прикладе — видимо, имя или фамилия — Jurgens, — и рядом несколько десятков зарубок: скорее всего, это количество душ, загубленных из этой винтовки. Немецкому алфавиту Вовку научил Яков.

Вдруг он вспомнил, как баба Варя говорила ему, что убивать — грех, лучше играть с другими детьми в войну, но без настоящих выстрелов.

Вовка находился между двумя уважаемыми им людьми: между миром бабы Вари (тепло, забота) и миром Якова (сила, власть). Кто кого пересилит — между желанием быть «настоящим мужчиной» и страхом причинить вред?

Яков понимал: он главный в этом вопросе. За почти два года он научил всему, что знал сам. Его военная наука пошла впрок: Вовка стал смелым, решительным и дерзким. Он никому не давал спуска. За обиды он колошматил всех вокруг.

Старшие Ковтуны, его родители, не вмешивались в воспитание сына. Во всём доверились бабе Варе. Отец был счетоводом в местном хозяйстве, а мать — дояркой. Вполне мирные люди. Им казалось, что лучшей жизни и не нужно. Никогда никому не завидовали.

Когда Вовка стал ходить в школу, он начал замечать разницу между ребятами. Одни ходили в городских обновках, а другие — в латанных-перелатанных брюках и рубашках, в пальто с чужих плеч. Ему хотелось быть лучше всех: не только в учёбе — по силе и уму, но и по внешнему виду. Родители из города привозили обновки, которые достались от двоюродного брата Валентина, который был на год старше Вовки. Это сын родной сестры отца, вышедшей замуж за городского фотографа Моисея. Жили небогато, но в достатке.

Так что воспитание Якова сильно изменило характер Вовки и его потребности.

Яков стал сильно болеть. Обострились все его болячки, полученные на войне. Он почти не выходил из дому, а жена Мария к нему никого не допускала, кроме местного фельдшера, у которого и лекарств никаких не было, кроме йода и бриллиантовой зелени. Всё нужно было приобретать в районном центре.

После контузии у него появились сильные боли в голове, он стал заговариваться и не узнавать людей. Всё говорило о прогрессирующей болезни, от которой добра не ждут.

Вовке его не доставало, но он стал понимать, что теперь Яков ничему хорошему не научит. В школе было всё интересно, и он с удовольствием постигал науки.

Шёл 1932 год. Вовке было уже девятнадцать лет. За это время он стал коренастым и плечистым парнем, на которого заглядывались все местные красавицы.

В селе началась коллективизация. У всех селян стали отбирать «излишки хлеба», разную живность и сельхозинвентарь для будущих коллективных хозяйств. К осени в стране наступил голод. Он не обошёл село стороной. Первыми стали умирать старики от болезней и голода.

У Якова и его Марички, как он ласково называл свою жену, ничего не было в хозяйстве: даже на огороде, кроме картошки, лука и моркови, больше ничего не росло. Зерновых для хлеба они не выращивали, так что и забирать было нечего. Своих детей у них не было.

В селе вдруг разразился переполох: из дома ушёл мальчишка лет четырёх и пропал. Вовка видел его на огороде Якова, но никому об этом не сказал. У него возникло подозрение, что это дело рук так называемого «братана», которому тоже есть захотелось.

Вовка стал прятать Бульку дома, чтобы её тоже не съели деревенские живодёры. Малыша так и не нашли. Все поговаривали, что это дело рук Якова. Несмотря на подозрения, Вовка ни с кем не поделился, даже с родителями: «Это нас не касается, не наше дело». Он хорошо усвоил науку Якова с голубями.

Теперь однозначно — никаких дел с Яковым. Вовка вспомнил про винтовку в дупле дуба. Он сказал бабуле, что пойдёт в лес поставить силки на зайца. Встал на отцовские лыжи и с Булкой отправился в лес. Мишени он не нашёл: видимо, верёвка истлела, и она упала, а сейчас находится под снегом. Винтовка оказалась на месте. Патронов на первое время хватит. Главное — нужно хорошо прицеливаться, чтобы попасть в зверя и не терять впустую патроны.

Булька бежала по заячьему следу, выгоняя косоглазого на Вовку. Они вернулись с двумя русаками достаточно больших размеров.

Вовка снова поставил винтовку в гнездо, замаскировав свои следы возле дуба. Так они и прокормились семьёй до весны за счёт Якова.

В 1933 году к весне государство стало «помогать» селянам. Привезли мешки с зерном, но раздавали их только тем, кто вступил в колхоз. Остальным намекали: «Не хотите по-хорошему — будем по-другому».

Вовка видел, как соседи спорили у сельсовета.

— Да я лучше с голоду помру, чем в их колхоз пойду! — хрипел дед Михей.

— А дети твои тоже с голоду помрут? — отвечал ему председатель.

Мать Вовки вздохнула:

— Сынок, бери что дают. Хоть горсть муки — а жизнь.

Но отец хмуро покачал головой:

— Эта «помощь» — верёвка. Сегодня зерно, завтра приказ: паши от зари до зари. И не пикнешь.

Вовка смотрел на это с осторожностью. Он помнил, как быстро кончилась еда прошлой зимой и как винтовка в дупле спасла их семью. Теперь нужно было решать: доверять новой «помощи» или готовиться к худшему.

Впервые на следующей неделе в сельсовет привезли настоящие продукты: муку, сушёные овощи, даже немного сахара. Для детей организовали столовую — по миске супа в день.

Вовка впервые за месяцы увидел, как мать улыбнулась, размешивая кашу:

— Смотри-ка, сынок, без лебеды! Настоящая крупа.

В селе оживились: бабы затевали стирку, мужики чинили заборы. На улице снова слышался детский смех — те, кто ещё зимой еле ходил, теперь бегали по проталинам.

Но Вовка знал: эта помощь — как передышка. Впереди посевная, а семян почти нет. И винтовка в дупле дуба всё ещё на месте — на всякий случай.

— Вот и вся помощь, — шепнул отец, когда они с Вовкой шли домой. — Покажут на людях, а по сути — капля в море. Зато в газетах напишут: «Голод побеждён!»

После окончания десятилетки Вовка заметил, что его отец стал чаще с ним советоваться. Значит, оценил его образованность, считался с его мнением.

По утрам, Вовка заметил, что его детородный орган весь в напряжении. Стеснялся спросить кого-то из мужчин, что нужно делать в таких случаях.

Стал чаще всматриваться в девичьи лица в поисках родственной души. Особое внимание у него сосредотачивалось на женских ногах и груди. Хотелось их потрогать. Когда представлял это, снова беспричинно возбуждался. Было непонятное чувство, ни с чем не сравнимое. Этого очень смущался, так как его орган не находил свободного места в штанах. Он его пытался скрыть, прижимая к ноге. Однако штаны всё топорщились, а от этого он ещё больше вызывал мужское желание.

Девчонки из класса уже никому из одноклассников не симпатизировали, так как рядом уже были ухажёры из старших классов, после окончания школы работающие в колхозе.

Вовке понравилась девушка Лида Скоморохова, на один год младше, из бедной семьи. В селе поговаривали, что у неё был богатый ухажёр то ли сожитель, видимо, из-за нужды: чтобы прокормиться, она шла на компромиссы. Вовка, видя её положение, начинает ей помогать: делится едой из столовой для детей, чинит забор у дома. Постепенно уважение перерастает в привязанность.

Как-то Вовка заметил Лиду у колодца — она пыталась поднять ведро, но руки дрожали. Он подошёл молча, взял ведро, поставил на скамью.

— Опять одна? — спросил, не глядя на неё.

— А кто со мной будет? — горько усмехнулась она. — Те, кто был, давно в городе. А я вот... застряла.

Он кивнул, взял ведро и понёс к её избе. По дороге оба молчали, но Вовка вдруг подумал, что впервые за неделю не вспоминает про винтовку в дупле.

Один из бывших ухажёров Лиды (активист сельсовета) начинает её преследовать. Вовка вмешивается — сначала из чувства справедливости, потом осознаёт, что не может остаться в стороне. Его поступок становится точкой отсчёта для отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.